

Георгий Богач

Прогноченные
МИЛЛИОНЫ

Повесть и рассказы

Георгий Богач

**Проглоченные
миллионы (сборник)**

«Геликон Плюс»

2016

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Богач Г.

Проглоченные миллионы (сборник) / Г. Богач — «Геликон
Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-042-2

«По трассе Санкт-Петербург – Москва двигался темно-зеленый седан с питерскими номерами. Когда сбоку от дороги появился бетонный куб со словом «Зимнегорск», набранным чугунными буквами, машина притормозила, свернула налево, пересекла железнодорожный путь и, подсакивая на колдобинах, направилась в населенный пункт...»

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-00098-042-2

© Богач Г., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Проглоченные миллионы	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Богач

Проглоченные миллионы

© Богач Г., текст, 2016

© Геликон Плюс, оформление, 2016

* * *

Проглоченные миллионы

Глава 1 Читальный зал

По трассе Санкт-Петербург – Москва двигался темно-зеленый седан с питерскими номерами. Когда сбоку от дороги появился бетонный куб со словом «Зимнегорск», набранным чугунными буквами, машина притормозила, свернула налево, пересекла железнодорожный путь и, подсакивая на колдобинах, направилась в населенный пункт.

На парковке у магазина «Зимнегорский купец» автомобиль остановился, из него вылез молодой человек и нажал кнопку на брелоке, отчего машина взвизгнула и моргнула габаритными огнями.

Новоприбывший был темноволос и усат, одет в коричневую кожаную куртку, потертые джинсы и коричневые туфли. Он достал из кармана куртки мобильный телефон и нашел нужный номер.

– Иван Терентьевич? Егор Гиря беспокоит. Я уже приехал и сейчас буду на условленном месте.

Осмотревшись, Егор пересек городскую площадь и подошел к вросшему в землю зданию с замызганными стенами. На двери висела табличка с надписью «Зимнегорская библиотека им. Н. И. Романчука». Егор посмотрел на часы, вошел в библиотеку и спросил у встретившей его голубоглазой девушки, можно ли здесь почитать свежую прессу. Окинув незнакомца оценивающим взглядом и поправив прическу, девушка, играя бедрами, повела его в читальный зал.

Расположившись за столом у окна, Егор придвинул к себе стопку газет и стал их рассеянно листать.

Вскоре в библиотеку зашел плотный мужчина в костюме и белой сорочке с галстуком. Он поздоровался с девушкой, назвав ее Тонечкой.

– Здравствуйте, Иван Терентьевич, – улыбнулась она в ответ. – Давненько вас не видела. А вы знаете, что через неделю в нашей библиотеке состоится презентация сборника стихов зимнегорских поэтов? Я нашла там ваше стихотворение «Летопись дождей». Глубоко, очень глубоко. Так написал бы Есенин, поживи он подольше.

– Скажете еще, – щеки и уши Ивана Терентьевича порозовели, и он опустил глаза.

Антонина подвела посетителя к полке, где стояли четыре упаковки книг. Одна была надорвана. Антонина достала из нее книгу в твердой обложке, еще пахнувшей типографской краской.

– Возьмите. На презентации книги разберут, и вам может не достаться.

Иван Терентьевич бережно взял книгу и прочитал надпись тиснением серебром на кумачовом фоне: «С высот былинных Зимнегорска». Под ней в серебряном овале столбиком располагались слова: «Стихи зимнегорских поэтов». Все это было заключено в рамку из трех серебряных линий по краям обложки.

– Спасибо, но не надо делать для меня исключения, я, как и все, возьму книгу на презентации. А сейчас ее просто посмотрю.

С книгой в руке Иван Терентьевич направился в читальный зал.

– Вы разрешите? – спросил он у молодого человека, присел напротив и, разъединяя пальцем неразрезанные страницы книги, тихо заговорил:

– Гоша, спасибо за отличную работу. Я принес флешку. Там записано, где ты можешь взять пятнадцать лимонов без всяких посредников. Ты их честно заработал и, надеюсь, зара-

ботаешь еще больше. Флешка с паролем. Он автоматически меняется каждую неделю соответственно тексту на семнадцатой странице расписания поездов, проезжающих через Зимнегорск, начиная с третьей строки сверху, – Иван Терентьевич говорил, не отрывая взгляда от сборника стихов.

Молодой человек неподвижно изучал газету, а потом, не поднимая глаз, сказал:

– Спасибо, но это был последний заказ, который я для вас выполнил. Теперь хочу поработать на себя.

Со словами: «Никогда не говори никогда» Иван Терентьевич достал из внутреннего кармана пиджака черный пластмассовый прямоугольник и протянул его своему визави. Тот внимательно осмотрел флешку, сфотографировал мобильным телефоном со всех сторон и положил в нагрудный карман куртки.

В читальный зал вошла Антонина и восхищенно сказала:

– Иван Терентьевич, еще раз поздравляю вас с публикацией в таком прекрасном сборнике. Предисловие написал сам Ростислав Станиславович Пелех. Он назвал вас певцом Северо-Запада. Кстати, Ростислав Станиславович организует Союз писателей Северо-Запада «Свои люди» и рекомендует ввести вас в правление.

Иван Терентьевич посмотрел на часы, что-то невнятно ответил Антонине и вышел, оставив кумачовую книгу на столе.

Антонина под села к молодому человеку.

– Если хотите стать нашим постоянным читателем, я запишу вас в библиотеку.

– А какой в этом смысл? Завтра я уезжаю в Питер и даже не знаю, когда еще здесь появлюсь.

– Вы питерский?

– Сейчас я живу там, – неопределенно ответил Егор.

– Меня зовут Антонина.

– А меня – Егор. Можно просто Гоша.

– Вы знакомы с Иваном Терентьевичем?

– Нет. Мы случайно оказались за одним столом.

– А вы знаете, что Зимнегорская библиотека расположена в здании, где до революции был магазин колониальных товаров купца Сивочко? Это единственный купец в России, имеющий графский титул. Иван Терентьевич – его прямой потомок. Он – хозяин фирмы «Стройдеталь», выпускающей железобетонные изделия. Кроме того, он наш постоянный читатель и поэт. На его стихи написан гимн Зимнегорска «Ты славен, Зимнегорск, в веках, и я воспел тебя в стихах!»

– Такой видный мужчина, как Иван Терентьевич, скорее похож на родоначальника, чем на потомка, – заметил Егор.

Антонина улыбнулась, оценив шутку.

– Антонина, вы можете подсказать, где здесь можно нормально пообедать? У меня с утра маковой росинки во рту не было.

– Рядом с нашей библиотекой ресторан «Дар Зимнегорска». Через пятнадцать минут у меня начнется обеденный перерыв, я вас туда проведу, – Антонина придвинулась к Егору, и он ощутил теплоту ее тела. – А что, жена утром вас не покормила?

Но Егор не успел ответить Антонине, потому что в читальный зал ворвался небритый мужчина под два метра ростом.

– Прямо на рабочем месте шашни крутишь, шалава? Чему же ты нашего сына научишь? Бедный Олежек! – прохрипел он, наполняя помещение запахом табака и перегара.

– Валерий, уйди, я тебя очень прошу. Мы давно в разводе, и у каждого из нас своя жизнь! – сказала Антонина, почему-то глядя не на Валерия, а на Егора. – Я же в твою пьяную жизнь не лезу!

– Понятно! Значит, ты лезешь в трезвую жизнь этого усатого хмыря! – Валерий подскочил вверх, ударившись головой о потолок, и попытался нанести Егору боковой удар справа, но тот пригнул голову, и кулак пролетел выше. Валерия по инерции крутануло вокруг оси, он упал.

– Ты чем меня ударил, гад? А ну покажи руку! – прокашлял Валерий, лежа на полу.

– Лариса, вызови милицию! – закричала Антонина.

– Антонина Владимировна, – ответил женский голос из-за двери, – к нам на абонемент как раз зашел капитан Филин – поменять книги. Сейчас он наведет порядок.

– Ах ты, сучка блудливая, опять хочешь меня в ментовку упечь! А с тобой мы еще встретимся! – прохрипел Валерий, глядя на Егора, открыл окно, пригнулся и, шагнув длинной ногой на тротуар, вылез на улицу.

– У вас документы при себе? – спросила Антонина у Егора.

– Да, а что?

– Сейчас сюда зайдет капитан милиции Филин. Независимо от того, что случилось и кто виноват, он проверяет документы и всех обыскивает. Недавно он даже туриста из Марокко обыскал, до трусов раздел.

– Вот как, – Егор решил на всякий случай спрятать флешку, незаметно достал ее из кармана и протолкнул за корешок поэтического сборника, который оставил на столе Иван Терентьевич.

В читальный зал решительным шагом вошел прямой, как гвоздь, мужчина ниже среднего роста в форме капитана милиции. На его голове красовалась фуражка шестидесятого размера, из-под козырька которой бескомпромиссно смотрели серые глаза.

– Что здесь происходит? – строго спросил он.

– Мой бывший муженек Валерий опять явился пьяный и стал выяснять отношения вот с этим мужчиной, – Антонина показала пальцем на Егора.

– С этим мужчиной? Почему? – еще строже спросил капитан, протыкая Егора особым милицейским взглядом.

– Валерка приревновал к совершенно незнакомому человеку, которого я и рассмотреть-то не успела. Это же паранойя!

– Без повода? – спросил капитан, проницательно глядя на Антонину.

– А при чем здесь повод? Даже если бы и был повод, то кому какое дело?! Я свободная женщина и могу общаться с кем угодно, когда угодно и где угодно.

– Даже на рабочем месте?! – капитан резко повернулся к Егору и протянул руку, – Ваши документы!

– Я пришел в читальный зал посмотреть свежую прессу, а тут какой-то пьяный тип ворвался в помещение и...

– Ваши документы!

– Но дебош устроил не я, а тот небритый тип.

– Ваши документы! – не опуская руки, настойчиво требовал капитан.

Егор достал из внутреннего кармана куртки паспорт, а потом – права и протянул милиционеру.

Капитан медленно листал документы, сличая фотографии с оригиналом. Положив документы в карман, он властно сказал:

– А теперь выложите на стол все, что у вас в карманах!

Егор достал кошелек, мобильник, носовой платок, расческу и ключи от машины.

– А где второй участник дебоша? – спросил капитан, задумчиво глядя на смятый носовой платок.

– Он удрал через окно, – сказала Антонина.

– Значит, драки как таковой не было? – уточнил милиционер.

– Драка не состоялась лишь благодаря вашему появлению, – уважительно отвечал Егор. – Этот тип вас испугался. Можно получить обратно документы и вещи?

– Документы и вещи? Можно, – уже мягче сказал капитан и протянул Егору паспорт и права. – Надолго к нам?

– Завтра уезжаю.

– Тогда счастливого пути.

– Всего доброго, – сказал Егор и вышел.

...Егор уже допивал в ресторане «Дар Зимнегорска» чай с лимоном, когда появилась Антонина Владимировна.

– Так вот вы где! – обрадовалась она, увидев Егора, и расположилась напротив. – Я чувствую себя виноватой. Из-за инцидента с моим бывшим мужем вы даже не успели почитать свежие газеты. Но новости можно посмотреть и по телевизору. Кстати, я недавно приобрела плазменный телевизор и приглашаю вас на просмотр.

– Я бы с удовольствием, но надо определиться с номером в гостинице.

– В гостинице?! А зачем? У меня в доме всегда найдется место для гостя. Зимнегорцы – народ гостеприимный.

– Даже не знаю... Вам что-нибудь заказать?

– Некогда. Попью чайку в библиотеке. И вообще я решила худеть.

– С вашей роскошной фигурой худеть не стоит. Кстати, когда я увидел книгу, которую листал этот, как его... потомок зимнегорских купцов...

– Сивочко.

– Да-да, Сивочко. Так вот, когда я увидел сборник стихов в его руках, то вдруг захотел их прочитать. Мне как филологу интересны стихи местных поэтов.

– Так вернемся в библиотеку, вот и почитаете.

– С удовольствием.

Когда Антонина и Егор вернулись в читальный зал, книги в кумачовой обложке на столе уже не было.

– Здесь, под настольной лампой, лежал тот самый сборник стихов, который я хотел почитать, – сказал Егор.

– Может, Клавдия Игоревна записала его обратно в упаковку. Подойдите на абонемент, и она даст вам книгу, а я пока схожу в военкомат и договорюсь с майором Галушко о совместной поездке на агитпоезде до военного городка.

Но надорванную упаковку с книгами уже обмотали скотчем.

– У вас же одна упаковка с книгами была распечатана, – обратился Егор к жгучей брюнетке.

– Возможно, – игриво улыбнулась брюнетка, приняв реплику незнакомого мужчины за попытку познакомиться. – Меня зовут Клавдия Игоревна.

– А меня – Егор.

– Егор, если вы хорошо попросите, то я достану книгу из этой упаковки.

– Если вы достанете книгу, то я выполню любое ваше желание.

Клавдия Игоревна не успела ответить, потому что вернулась Антонина.

– Егор, я уже освободилась и хочу показать вам достопримечательности Зимнегорска, – ревниво взглянув на Клавдию Игоревну, Антонина взяла Егора под руку и легким усилием направила его к двери.

После осмотра старого кладбища, нового кинотеатра и здания районной администрации Антонина повела Егора к себе.

Пятиэтажный дом, где жила Антонина Владимировна, стоял напротив кинотеатра. В стороне раскинулся небольшой парк, окружавший величественное строение с колоннами, в котором когда-то останавливалась Екатерина II, а ныне размещался Музей утюгов и самоваров.

Напротив музея располагалась районная больница с просевшей крышей. Войдя в квартиру на пятом этаже, Антонина, забыв захлопнуть за собой входную дверь, со стоном впиалась в губы Егора и потащила его к тахте.

Через час, счастливо улыбаясь, Антонина набросила на себя цветастый халат и пошла на кухню.

– Тебе чай или кофе?

– Чай, – ответил Егор, застегивая джинсы.

– Утром уезжаешь в Санкт-Петербург? – спросила Антонина.

– Планы изменились. У меня появились кое-какие дела в Зимнегорске. Надо отыскать одну вещь. Очень дорогую.

– Значит, останешься! – обрадовалась Антонина.

– Скорее всего, – сказал Егор, и Антонина бросилась ему на шею.

Увидев приоткрытую дверь, в квартиру заглянула соседка по лестничной площадке Нина Баранова, медсестра Зимнегорской больницы.

– Тонь, а Тонь, ты дома?! – крикнула она, но, увидев обнимающуюся парочку, смешалась. – Хоть бы дверь закрыли. Что, невтерпеж?

– У тебя не спросили, – раздраженно отрезала Антонина.

Обиженно поджав губы, Нина ушла.

– Теперь она всем растрезвонит, что у меня новый хахаль появился, – с досадой сказала Антонина и захлопнула дверь.

– А у тебя было много хахалей? – спросил Егор, изображая ревность.

– Давай жить настоящим, а не копать в прошлом.

– Где-то я уже слышал эту мысль. Слушай, Тоня, а когда состоится презентация сборника стихов ваших поэтов?

– А тебе-то зачем? Между нами, ничего путного в этой книге нет.

– А мне как филологу интересна презентация любой книги.

– В субботу.

– Вот и хорошо. Я сниму документальный фильм, минут на пять, и постараюсь пристроить его на Пятый канал. А чтобы у поэтов и их поклонников не было зажатости и робости перед видеокамерой, чтобы они выглядели естественно, я камеру как-нибудь замаскирую.

– А я тоже войду в фильм?

– Обязательно! Ты воплотишь женщин Северо-Запада, вдохновляющих поэтов на творчество.

– А ты сможешь подготовить зал к презентации?

– Конечно.

В пятницу вечером после работы Антонина Владимировна и зимнегорские поэты готовили читальный зал к презентации своей книги. Они сдвинули стеллажи в угол, а столы расставили вдоль стен. Поэт Петр Дмитриевич Гаврилюк, обладающий недюжинной силой, без помощи ножниц разорвал скотч на упаковках и разложил книги на одном из столов.

Проверить корешки книг и отыскать флешку Егор не смог: мешали поэты, которые крутились рядом.

– А что, больше книг нет? – удивленно спросил он. – Их же на всех может и не хватить.

– Мы пока получили только сорок восемь экземпляров. Полный тираж выйдет в ноябре, и тогда все желающие смогут приобрести книги, – сказала Антонина. – Егор, иди домой и отдохни. Я здесь, наверное, еще задержусь.

Егор настроил таймер на 17 часов субботы и спрятал видеокамеру на стеллаже между книгами, направив объектив на стол со сборниками стихов.

Выходя, Егор едва не столкнулся в дверях с майором Галушко, тот источал запах одеколona «Вот солдаты идут».

Глава 2

Презентация

В субботу вечером в читальном зале Зимнегорской библиотеки собиралась публика. Раньше всех пришел художник Филь-Баранов и, дыша густым перегаром, недоуменно поглядывал по сторонам.

– Так я не понял, встреча с кандидатом в депутаты Семенчуком состоится в четыре часа или в пять?

– Здесь собираются поэты, а встреча избирателей с Семенчуком уже идет в клубе Механического завода, – ответила уборщица Валентина Васильевна, вытирая лоб рукавом черного халата.

– Меня пригласили на оба мероприятия, но я, пожалуй, останусь здесь. Здесь хоть фуршет будет, а Семенчука недавно подшили в областной наркологии, и ему не до выпивки. А где Антонина Владимировна?

– Она сказала, чтобы я сделала влажную уборку, а сама ушла в военкомат к майору Галушко. А вот она идет!

Постепенно читальный зал наполнялся людьми. За столом у окна расположился спонсор Иван Терентьевич Сивочко, справа от него – ведущая поэтического вечера Антонина Владимировна Буль, а слева – изможденный человек с бегающими глазками и лицом, то резко бледнеющим, то наливающимся багрянцем. Он постоянно протирал свои очки. «Кто это?» – спросил один поэт у другого и услышал в ответ: «Не знаю».

Антонина Владимировна произнесла проникновенное вступительное слово, которое длилось полчаса, и стала по очереди вызывать поэтов.

Поэты брали со стола сборники, раскрывали их и, панически подвывая, трагически пришептывая и чувственно постанывая, читали свои стихи. Кто-то постукивал при этом ногой, кто-то нервно похрустывал пальцами, а кто-то закатывал глаза. Публика то взрывалась аплодисментами, то хохотала, то гудела, то замолкала. Дамы кричали: «Браво!» – и утирали слезы, а коллеги-поэты ядовито улыбались, иронически хмыкали и вяло хлопали.

После выступления поэтессы Ирины Андреевой – рыжеволосой старухи с бородавкой на носу и в длинной юбке, волочащейся по полу, – Антонина Владимировна стала раздавать поклонникам поэзии сборники стихов.

Счастливицы, успевшие выхватить книгу из ее рук, подбегали к поэтам и те, порозовевшие от славы, подписывали.

А Егор Гиря поглядывал на видеокамеру, которая бесстрастно фиксировала на карту памяти тех, кому достались книги.

Поэтический вечер завершился фуршетом. Бутылки на столах опустошались пропорционально произнесенным тостам, и водки с вином, как всегда, не хватило. Поэты принялись бегать в магазин за добавкой, но не все возвращались – кто-то терялся по дороге.

Петр Дмитриевич Гаврилюк поднялся из-за стола и, пошатываясь, направился к человеку с бегающими глазками, сидящему рядом с Сивочко.

– Ты кто? Где-то я тебя уже видел! Но где?! Что ты сидишь, как сыч? На, возьми книгу, почитай мои стихи. Они исключительно о любви и братьях наших меньших. Ты кого больше любишь – кошек или собак?

Видеокамера запечатлела и это.

На следующий день Егор подключил камеру к плазменному телевизору и вместе с Антониной стал просматривать запись. Антонина перечисляла фамилии получивших книги, и Егор записывал их в блокнот. Первым в списке оказался художник Филь-Баранов.

Глава 3 Рекламный дизайнер

Одновременное служение живописи и поэзии вдвое усиливало творческий потенциал Анатолия Ильича Филь-Баранова. Слова он подкреплял изображениями, а изображения – словами, что придавало его творениям настолько законченный вид, что добавлять было нечего.

Вывески, афиши и плакаты, сработанные Анатолием Ильичом, были рассеяны по Зимнегорску, как бурьян по огороду.

Панно на фасаде универмага изображало счастливо улыбающуюся женщину с переполненной сумкой в руке. На сумке выписано вязью:

Удирай от передряг,
Заходи в универмаг!
Приобретай ты в нем свободно
Все, что душе твоей угодно!

Через дорогу с крыши Сбербанка свисал лист жести, который держал в руке седовласый мудрец. На листе прохожие читали:

Не трать ты денег спозаранку,
А сохрани у нас в Сбербанке.
И не транжирь в универмагах,
Храни их в ценных ты бумагах.

Латунная чеканка на деревянной книге у двери букинистического магазина гласила:

Забудь обиды и интриги
И почитай-ка лучше книги!
Ты в них друзей приобретешь,
А также знания найдешь
И в жизни многое поймешь.

Над салоном «Оптика от Николая Олехновича» нарисованная девушка в очках советовала совершенно другое:

Поменьше, друг, читай ты книг.
Глаза же портятся от них.
А если ты читаешь много,
То в наш салон тебе дорога!

Автозаправку украшало изображение молодого человека, одной рукой крутившего баранку автомобиля, а второй обнимавшего девушку с аппетитным бюстом. Над влюбленной парой тающие сосульки складывались в текст:

Катаясь с Клавой или Зиной,
Машину ты заправь бензином.
А коль об этом ты забудешь,
То сам толкать машину будешь!

Напротив автозаправки вывеска в виде двух колес со спицами, соединенными велосипедной рамой, призывала к обратному:

Не задымляй машиной трассу,
Не порти воздух понапрасну
И не гони авто в кювет.
Садись-ка на велосипед!
Без перерывов на обеды
Здесь продают велосипеды.

Выписанный эмалью на стене розовощекий человек с идеально ровным пробором и рукой, протянутой к прохожим, зазывал:

Коль любишь пищу ты здоровую,
То заходи ко мне в столовую!
Тебя здесь с нетерпением ждет
Вкуснейший сочный антрекот!

Кто-то гвоздиком зацарапал слово «антрекот» и нацарапал «анекдот».

Над входом в «Центр лечебного голодания» неправдоподобно стройный мужчина советовал несколько иное:

Товарищ, стой! Запомни это:
Поменьше ешь. Твой друг – диета.
Смотри, как вспучен твой живот —
Тому виною антрекот!

А над пивбаром жестяной толстяк с доброй улыбкой вещал:

Чтоб жизнь твоя текла счастливо,
Пускай в ней будет много пива.
В твоей душе горит пожар?
Его потушит наш пивбар!

Рядом с пивбаром на двери платного туалета было выбито курсивом:

После пива с сигаретой
Никому отказа нету
В посещение туалета —
Ни худому, ни атлету,
Ни блондину, ни брюнету,
Ни влюбленному поэту!
Заходи зимой и летом
За копейки, без билета!

Над крыльцом «Тренажерного зала К. У. Успенского» фанерная гантель поблескивала металлическими буквами:

Заходи и стар и мал
В наш роскошнейший спортзал!
Если хочешь жить счастливо,
Гири жми, забудь про пиво!

Жители Зимнегорска благосклонно относились к творчеству своего земляка и каждое новое произведение встречали улыбками и смехом.

Все, кроме художника Момро...

В предрассветную рань Владимир Момро являлся на пустынных улицах Зимнегорска, рассматривал произведения Филь-Баранова и мрачно вещал: «Мазню, сопровождаемую такими противоречивыми виршами, можно сотворить лишь с большого бодуна. Но столярное исполнение вывесок Филь-Баранова вполне на уровне. Ему бы сколачивать дешевые табуретки на мебельной фабрике, а он в художники полез!» И Момро исчезал, растворившись в воздухе.

Видимо, Момро не понимал, что в истинно творческой душе могут уживаться две личности, терзающие душу художника сомнениями, разрывая ее надвое, что и отражается на творениях, противоречащих друг другу.

А в душе Анатолия Ильича уживались даже не две, а три личности. Две из них постоянно спорили, а третья их мирила. И если спорщики были трезвенниками, то миротворец – увы! – любил выпить. Однако горьким пьяницей его не назовешь, потому что в одиночку он не пил, но лишь в компании спорщиков. Как только они начинали ругаться, неліцеприятно высказывая друг другу свои взгляды на искусство и на свое место в нем, миротворец тихо, но настойчиво предлагал им выпить для взаимопонимания.

После двух-трех стопок водки спорщики утихали и клялись, что станут творить сообща. Но вскоре спор разгорался с новой силой, и миротворцу приходилось выкатывать очередную бутылку.

Успокоив спорщиков, миротворец резонно замечал, что и ему, дипломату, неплохо бы налить стопку-другую за достижение консенсуса. Спорщики любезно соглашались, и в душе Филь-Баранова наступал долгожданный мир.

Полемики в душе Филь-Баранова продолжались недели две-три, после чего непримиримые враги, утомленные перебранкой, на какое-то время утихали, чтобы набраться сил для новых творческих баталий.

Таисия Никаноровна, жена Анатолия Ильича, по количеству пустых бутылок под кухонным столом могла безошибочно определить, на какой стадии спора находится его творческая душа – в состоянии «до», «во время» или «после».

В один из тихих семейных вечеров супруги Филь-Барановы мирно расположились на диване и столь же мирно беседовали. И конечно же, речь шла об искусстве и о тех, кто ему служит.

– Народ меня любит, – сказал Анатолий Ильич, – и в Зимнегорске у меня осталось всего два врага – Момро и птицы.

– Птицы?! А птицы здесь при чем?

– Понимаешь, Тай, птицы постоянно ищут, чего бы им поклевать. Этим-то и пользуется бездарный мазила Момро.

– Но как?!

– Именно под мои работы, создающие неповторимый облик Зимнегорска и его визитную карточку, Момро подсыпает зерно, предусмотрительно запасаясь им на полях во время уборочной страды. Поля он объезжает на своем старом драндулете.

– Зерно? Но для чего?

– Ты, наивная моя, еще не поняла глубину подлости Володьки Момро? К зерну слетаются птицы. Наклевавшись, тяжелеют, у них только и хватает силы взлететь вверх и сесть прямо

на мои творения. Птицы начинают на них гадить, изменяя до неузнаваемости изображенные события и искажая смысл начертанных слов! Момро хочет, чтобы народ перестал меня понимать! А для художника главное, чтобы люди его понимали и следовали за ним туда, куда он их зовет своим творчеством!

Таисия прижала к груди забубенную головушку мужа.

– Ничего, Толь, я отмою твои картины шампунем. Они будут не только сверкать чистотой, но и пахнуть. А этих поганых птиц я крысиным ядом потравлю.

– А что делать с самим Момро, скажи на милость?

– И на него найдем управу! Хотя нет, не надо! Ты знаешь, это даже хорошо, что в Зимнегорске существует Момро. Его бездарные картинки так же оттеняют твои талантливые полотна, как бурьян оттеняет розы.

Анатолий Ильич с любовью посмотрел на жену, сбросил на пол плед и поднялся с дивана.

– Ты права, но мою душу терзают сомнения и недобрые предчувствия. Ей нужно умиротворение. Пойду освежусь, – тихо сказал он, босиком прошлепал на кухню, и в тишине послышалось бульканье целебной влаги, наполняющей стакан.

Не успел Анатолий Ильич выдохнуть и сосредоточиться перед приемом мерцающей в стакане жидкости, как раздался телефонный звонок. После третьего гудка звонивший услышал от автоответчика:

Товарищ, ты звонишь мне рано.
Устал художник Филь-Баранов.
Не отрывай от неги сна,
Дай отоспаться мне сполна.

Но, по-видимому, звонивший был человеком настырным и не вешал трубку.

– Тайчонок, возьми-ка трубку. Если это Нестор, скажи, что такой суммы у меня нет и не скоро появится. Пусть соглашается на бартер. Если же это доцент Крыло, то ему скажи, что мозаику на втором этаже филиала НИИ я переделывать не стану, даже если он расторгнет договор или выпрыгнет из штанов. Остальных посылай туда, куда тебе подскажут фантазия и интуиция.

– Тольчонок, но к телефону просят именно тебя. Звонит какой-то филолог Гирия.

– Ладно, я сейчас, – Анатолий Ильич отпил половину стакана, глубоко выдохнул и снял трубку параллельного телефона, висящего над хлебницей.

– Рекламный дизайнер Филь-Баранов слушает.

– Беспокоит филолог Егор Петрович Гирия. Судя по вашим высокоталантливым произведениям, их написал тонкий знаток поэзии, и мне как филологу было бы интересно поговорить о недавно вышедшем сборнике стихов зимнегорских поэтов. Надеюсь, вы его читали?

– Не только читал, но и участвовал в составлении, но сейчас мне не до сборников. Занят работой над крупным заказом – оформляю интерьер зимнегорского филиала питерского ХЛОП НИИ, каждая минута дорога, – Филь-Баранов допил стакан, и его передернуло. – Смогу уделить вам время только после открытия филиала, оно состоится в четверг. Так что через два дня милости прошу! Подходите, я вас встречу.

– Встретиться с таким художником для меня большая честь. Только прихватите, пожалуйста, этот сборничек стихов, а то свой я куда-то подевал. Рассеянность преследует меня с детства.

– Хорошо, прихвачу.

– А где... – начал было спрашивать Гирия, но трубку уже положили.

Глава 4

У каждого свои тараканы

Выйдя из дома Антонины, Егор увидел, что путь его машине перекрыла красная «пятерка», стоящая наискосок. Егор стал искать взглядом ее хозяина.

– Вадим Леонидыча, на чью машину вы так зло смотрите, еще долго не будет. Оне зашедцы в бар пивка попить, – сказал худощавый мужчина, возившийся у двадцатилетнего «опеля». – Меня зовут Евгений Голландский, – представился он.

– Очень приятно, а я – Егор Гирия. Где находится бар?

– А вы вот этот дом вокруг обойдите и на бар наткнетесь.

В углу полутемного зала, пропахшего пивом и вяленой рыбой, за отдельным столиком, уставленным множеством кружек, Егор увидел средних лет мужчину с грустными карими глазами, под которыми набрякли бордовые мешки. Его одутловатое лицо с тонкими усиками ловеласа было чуть светлее мешков под глазами. Мужчина уставился в стену неподвижным взглядом и пухлыми пальцами изредка отправлял в рот пригоршню вяленых снетков, жевал и запивал пивом, втягивая кружку одним махом. Егор подошел к столику.

– У каждого свои тараканы, – сказал мужчина.

Егор с интересом прислушался. Мужчина почувствовал взгляд незнакомца и сказал, уже обращаясь к нему:

– У каждого свои заморочки.

– Вы правы, – коротко ответил Егор.

– У каждого свои дела, и ему нет дела до дел других людей.

– Простите, это ваша машина припаркована у дома номер шесть?

– Машина? Какая машина?

– Красная «пятерка».

– Да-да, у меня осталось только это ведро. Сначала у меня была новенькая «ауди», потом «фольксваген», а теперь вот – красное ведро, – одутловатый мужчина горько рассмеялся, а в его глазах задрожали слезы.

– Не могли бы вы немного отогнать свою машину, чтобы освободить проезд для моей? – спросил Егор.

– А вы куда-то торопитесь? Может, попьете со мной пивка?

– Мне некогда. Я ищу филиал какого-то питерского НИИ. То ли ХОР НИИ, то ли ХЛОП НИИ. В четверг мне надо попасть на его открытие. А сегодня я хочу на машине найти этот филиал. Видимо, его недавно построили.

Человек с отечным лицом вдруг протрезвел.

– Этот филиал никто не строил! Его открывают в здании, которое из развалин и руин восстанавливал я и которое у меня бессовестно отобрали! В 1995 году я первым обратил внимание на полуразрушенную городскую баню, построенную вскладчину купцами Сивочко, Белоусовым и Жариковым еще в 1835 году. Я хотел оборудовать там стоматологическую клинику европейского уровня. Должен вам заметить, что я стоматолог и ученик самого Куканова, он, бывало, еще в советские времена говаривал, что стоматология нужна и рабочим, и крестьянам, и коммунистам, и беспартийным, и даже нашим заклятым врагам капиталистам. Я – Вадим Леонидович Недзелюк. У меня лечили и лечат зубы самые уважаемые люди Зимнегорска. Чтобы получить никому не нужные развалины старой бани под жизненно необходимый стоматологический центр, я ходил на прием и к главе администрации Зимнегорского района Епифану Григорьевичу Кондратьеву, и к мэру города Никанору Ефимовичу Грицуку, и к главному архитектору города Галине Егоровне Боровиковой. Два года они этот вопрос мурыжили, рассматривали, уточняли, согласовывали и утрясали. А как-то заведующая зимнегор-

ской поликлиникой, она же жена мэра города Любовь Алексеевна, которая лечила у меня две нижние семерки, намекнула, что вопрос решается намного проще – надо лишь передать ее мужу определенную сумму денег. Чтобы собрать эту сумму, я продал и новую машину, и дом, и драгоценности своей жены Раечки, что достались ей от прабабки графини Грюнвальд-Гонорецкой. Купив развалины бани, я воссоздавал ее старинный облик вот этими руками, – Недзелюк протянул Егору сосискообразные пальцы. – Когда же здание восстало из руин и потянулось к небу белыми колоннами, юрист Валерий Олегович Ефимов, кем-то нанятый за тридцать сребреников, отсудил его у меня в пользу загадочной фирмы ИСИ. Ефимов мотивировал свой иск «недостаточностью подписей и печатей под документами на право владения зданием, имеющим всемирное культурно-историческое значение». При этом он размахивал справкой из Министерства культуры, которую никому не дал прочесть, потому что справка, по его словам, «имеет не только конфиденциальный, но и секретный характер и не подлежит разглашению». Следы загадочной фирмы ИСИ затерялись, но в прошлом году всплыли во время продажи здания питерскому ХЛОП НИИ. Продавалась бывшая баня в десять раз дороже, чем стоила, ясно, что накрученные деньги поделили между собой хозяин фирмы ИСИ и директор ХЛОП НИИ Борис Сергеевич Крыло. Осталось только выяснить, кто хозяин ИСИ. И я выяснил! Мне его слил тот самый продажный адвокатиска Ефимов. Хозяином фирмы ИСИ оказался депутат Зимнегорской думы Иван Терентьевич Сивочко, которому я когда-то лечил кариес левой верхней шестерки. За пятьсот долларов Ефимов раскрыл мне даже смысл названия фирмы. ИСИ – это аббревиатура от слов «Иван СИвочко», – слезы Недзелюка высохли, в глазах появился недобрый блеск. – За год я собрал на Сивочко такой увесистый чемодан компромата, что ему не помогут ни депутатская неприкосновенность, ни деньги. Этот проходимец положил глаз даже на кресло мэра Зимнегорска, но скамья подсудимых подойдет ему гораздо больше.

Егор вежливо улыбнулся, посмотрел на часы и поднялся.

– Рад был с вами познакомиться, но мне пора. Надеюсь, к вечеру вы отгоните свою красную «пятерку» от дома номер шесть.

Когда Егор подошел к старинному каменному зданию бывшей бани, украшенному массивными колоннами, его остановили раздраженные мужские голоса.

– Нет, это вы меня простите, уважаемый Борис Сергеевич! Звание доцента еще не говорит о вашем художественном вкусе. Он у вас на уровне первобытно-общинного строя. Такое впечатление, что, кроме костра в пещере и одетых в шкуры соплеменников, вы в своей жизни ничего не видели.

– К вашему сведению, я бывал в крупнейших научных учреждениях Булони, Лондона, Ниццы, Винницы и даже Мадагаскара. И поверьте мне, их интерьеры не имеют ничего общего с вашим местечковым стилем. Вы профанатор и вымогатель! Своим землякам морочьте головы безвкусными картинками с безграмотными стишками, а меня от такого зрелища увольте! Оно вызывает у меня рвоту и расстройство желудка. И всю эту белиберду вы хотите втюхать за три с половиной миллиона?! И кому? Мне, человеку, жавшему руку самому академику Ячеку?! Это же обдираловка!

– Я наивно предполагал, что вы крупный ученый, и из уважения сделал громадную скидку на работы, в которые вложил не только душу, но и сердце. Истинное искусство стоит намного дороже, вернее, оно бесценно. Вы знаете, к примеру, сколько стоит черный квадрат Малевича?

– Я не собираюсь покупать ни квадраты, ни круги, ни треугольники Малевича. Мне нужен только достойный интерьер филиала моего института! Я приобрел это старинное здание в стиле позднего классицизма, чтобы оборудовать в нем филиал Санкт-Петербургского ХЛОП НИИ. Этот НИИ в двадцатых годах прошлого столетия основал сам Вольдемар Оттович Ячек! До революции ему жали руку Николай II и Столыпин, а после революции эту руку жали Ленин и Луначарский! Владимир Ильич называл Ячека вторым любимцем партии после Буха-

рина! Когда Ячеку исполнилось девяносто лет, то жать ему руку имел честь и я, ваш покорный слуга. А вам я доверился благодаря рекомендации бывшего владельца этого здания, депутата Зимнегорской думы господина Сивочко. Он сказал, чтобы я ни в коем случае не обращался к художнику Момро, но только к вам. Теперь же я начинаю сомневаться в рекомендациях Ивана Терентьевича.

– Значит, вы хотите заменить мои творения бездарной мазней Володьки Момро! Пожалуйста! Но вас засмеет не только весь Зимнегорск, но и ваши же друзья-ученые.

– Помню, над моей диссертацией тоже смеялись некоторые недоброжелатели! Но директором НИИ все-таки стал я, а не тот, кто смеялся. Они сейчас ловят каждое мое слово и наперебой стараются исполнить любой каприз. Должен заметить, что некоторые эскизы вашего коллеги Момро мне понравились. В них есть и глубина проникновения в суть проблемы, и ширина понимания. Кроме того, он запросил впятеро меньше вас, значит, главное для него искусство, а не деньги. «Корыстной душе не подняться до высот познания из бездны низменных животных инстинктов», – говорил академик Ячек. И он был прав.

– Я творил, не покладая рук, лишая себя и сна, и отдыха! Я засыпал прямо на своих творениях, подобно перелетным птицам, спящим в воздухе и во сне машущим крыльями! – Филь-Баранов смахнул подступившую слезу, открыл кейс и достал бутылку водки. – С вами невозможно разговаривать. Чтобы прийти в себя, мне необходим глоток этого зелья, которое все ругают, но всё же пьют, – он налил полный стакан водки и, от волнения забыв, кто рядом с ним, по привычке протянул собутыльнику.

Крыло тоже по привычке взял, в три глотка осушил стакан и закашлялся. Анатолий Ильич протянул ему корку черного хлеба – занюхать. Борис Сергеевич понюхал корку, потом съел и открыл было рот, чтобы продолжить спор, но, осознав, что взял хлеб из рук своего недруга, вздохнул и присел на нагретый солнцем камень. Филь-Баранов раздраженно выдернул из руки Крыло стакан, снова наполнил до краев, выпил, прочувствованно выдохнул и закрыл глаза.

– Напрасно вы со мной так грубо разговариваете, – наконец сказал он. – Душа художника ранима, как душа ребенка.

– Мы, люди науки, имеем не менее ранимые души, но жизнь приучила нас стойко переносить обиды, ибо зачастую нас способны оценить не современники, но лишь потомки. Мы творим для будущего, иногда – для очень далекого будущего.

Филь-Баранов молча налил полстакана и протянул доценту.

– Мне больно вовсе не от вашей критики, я к критике привык, ибо непонимание окружает истинного художника. Мне больно от сравнения с таким ничтожеством, как Момро.

Доцент выпил, по-солдатски занюхал водку рукавом и, подняв голову, задумчиво посмотрел на здание бани. При этом крупный нос доцента органично вписался в конфигурацию строения и как бы стал его неотъемлемой частью.

– Да-а-а... Нелегко творческим людям понять друг друга, ибо взгляды их нередко устремлены в противоположные стороны.

– Ой как нелегко, – согласился Филь-Баранов, выпил свои полстакана и с сожалением посмотрел на опустевшую бутылку. – У каждого свои взгляды, своя система ценностей, свои мерилы жизни и творчества. Но когда истинные творцы ссорятся, такие бездари, как Момро, радуются, – Анатолий Ильич поднял голову, рассматривая баню. При этом его тяжелый подбородок органично вписался в конфигурацию архитектурных деталей бани, став их неотъемлемой частью. – Возможно в своей критике вы, уважаемый доцент, и правы. Хорошо, я переделаю интерьер филиала. Я в рубище пойду по Зимнегорску, буду просить подаяния, но все силы вложу в этот интерьер, и он будет не хуже, чем в Виннице, а возможно, и на Мадагаскаре.

– Не надо! – громко сказал доцент, – Это я недооценил ваш талант, ибо большое видится на расстоянии. Эйфеля тоже ругали за его башню, а потом она стала символом не только

Парижа, но и всей Франции! Я убежден, что оформленный вами филиал моего НИИ со временем будет олицетворять не только Зимнегорск, но и весь Северо-Запад, – доцент инстинктивно потянулся к бутылке, но, увидев, что та пуста, разочарованно вздохнул.

Перехватив взгляд ученого мужа, Филь-Баранов вдруг засобирился.

– Я сбегаю. Тут недалеко.

– Я вас обидел, мне и бежать за бутылкой. Ибо негоже попрекать художника политыми потом копейками, которые он зарабатывает на кусок черствого хлеба.

И доцент Крыло потрусил к ближайшему магазину. Художник Филь-Баранов с пониманием смотрел вслед.

Наблюдающий эту сцену Егор хотел было подойти к Филь-Баранову, но решил не мешать продолжению доверительной беседы между наукой и искусством.

Глава 5

Открытие филиала ХЛОР НИИ

Выложенные кирпичами слова «Зимнегорския бани. 1835 годъ.» на фасаде здания с тяжелыми, как слоновьи ноги, колоннами сменила лоснящаяся обожженной керамикой надпись: «Санкт-Петербургский ХЛОР НИИ имени академика В. О. Ячека. Зимнегорский филиал». Под ней двустистишь Филь-Баранова гласило:

Любой, вошедший в сей дворец,
Здесь не прислужник, но творец!

За три часа до официального открытия филиала ХЛОР НИИ в охраняемое здание каким-то образом сумел просочиться художник Владимир Момро, не оставив следов ни на окнах, ни на дверях.

Он привидением бродил по помещениям, освещенным ущербной луной и тусклыми лампочками сигнализации. Запавшие глаза на мертвенно-бледном лице Момро зловеще сверкали, штаны удерживались на тощем теле подтяжками, впивающимися в костлявые плечи. Руки с растопыренными пальцами болтались, как плети.

В холле Момро наткнулся на портреты великих ученых от Аристотеля и Сократа до академика Ячека и доцента Бориса Сергеевича Крыло, тщательно выписанные рукой Анатолия Ильича Филь-Баранова. Сразу бросалось в глаза, что ни у одного из корифеев науки прошлого, ни у современных ученых не было носа значительнее и крупнее, чем у доцента. Нос Бориса Сергеевича убедительнее любых диаграмм и графиков символизировал рост человеческих познаний от древности до нынешних времен.

Коридор бывшей бани, превращенный рекламным дизайнером Филь-Барановым в галерею афоризмов, был исписан высказываниями Б. С. Крыло под заглавием: «Заметки Бориса Сергеевича Крыло, сделанные им по разным поводам и в разное время».

«Молодой ученый! Не торопись с выводами. Семь раз отмерь, один раз отрежь, отмерь отрезанное, покажи его учителю и лишь потом делай выводы». Б. Крыло.

«Не научное звание красит ученого, а ученый – звание. Ученый может обойтись без звания, а звание без ученого мертво». Б. Крыло.

«Не люби себя в науке, а науку в себе!» Б. Крыло.

«Человечество движется вперед ногами ученых! Не хромайте!» Б. Крыло.

«Ложные авторитеты – это колдобины на пути науки, ибо на них спотыкаются и в них же падают. Обходя колдобины, не спотыкайся на ровном месте!» Б. Крыло.

«История впрягла ученых в колесницу прогресса, которая тащит за собой человечество». Б. Крыло.

– Этот доцент Крыло такой же неуч, как и Филь-Баранов, – констатировал Момро.

Тяжело дыша, Момро поднимался по мраморным ступеням на второй этаж. Стены вдоль лестницы были покрыты изображениями, смутно напоминающими наскальные рисунки.

На первом могучий детина в холщовой рубахе, подпоясанный шнурком с кистями, налегал на плуг, который тащила лошадь-тяжеловоз. Под изображением петляла вязь:

Нет, не зря мозолим руки
Плугом изысканий.
Прогрызем гранит науки
Мы клыками знаний!

– Только не сломай зубы и не попади к стоматологу, – тихо посоветовал Момро.

Далее мускулистый юноша в греческой тунике и с волнистыми волосами, прижатymi алой лентой ко лбу, жадно пил из кубка, какие можно увидеть на полках ветеранов спорта с надписью: «За первое место в лыжной гонке 1975 года на первенство общества «Труд». Юношу вдохновляло двустиишие Филь-Баранова:

Старайся, ученый! Без лени и скуки
До дна осуши ты кубок науки!

– Хорошо пошла! – загобным голосом сказал Момро и ядовито улыбнулся.

Чуть выше по лестнице на стене бежал паровоз, окутанный паром. Из окна выглядывало закопченное лицо машиниста, напряженно всматривающегося вдаль из-под мозолистой ладони. Сбоку на паровозе было написано:

С рельс не сойдет науки поезд,
Ведь главное не цель, а поиск!

– У Филь-Баранова начались глюки! – констатировал Момро.

Момро не без тайной зависти и злорадства еще полюбовался бы работами своего заклятого врага, но звезды на небе начали таять, сквозь окна в филиал НИИ вползало раннее утро. Где-то прокукарекал петух, и слышались хрипловатые спросонья голоса.

Момро развернулся и стал спускаться. Внизу он едва не столкнулся с человеком, обремененным тяжелым подбородком.

– Конъюнктурщик и халтурщик! – голос Момро звучал слабо, как затихающее лесное эхо.

– Бездарь и неумеха! – ответил Филь-Баранов, его голос был сиплым после вечернего возлияния.

– Алкаш! – отрезал Момро.

– Язвенник! – парировал Филь-Баранов. – Пока толстый иссохнет, худой издохнет.

– Пока алкаш протрезвеет, трезвый поумнеет, – ядовито произнес Момро.

– Пустая голова никогда не поумнеет, а талант не пропьешь.

– Талант не пропьешь, потому что его нет! Ремесленник!

– Маляр!

Момро поднял костлявую ногу, чтобы пнуть Филь-Баранова, но зацепился за собственные штаны, висящие мешком, и упал на костлявый зад, ударившись о мрамор ступеньки, продолжая ехидно улыбаться врагу-антиподу. Анатолий Ильич поднял руку, чтобы наконец врезать по ненавистному лицу, но, увидев входящих в холл людей, поднял вторую руку и захлопал, как бы приветствуя аплодисментами их появление.

Публика тоже зааплодировала, а доцент Крыло, стоящий у стены, принялся раскланиваться, приняв аплодисменты на свой счет. Нос доцента напоминал флюгер.

Из толпы вышел молодой черноусый человек и побежал к Филь-Баранову.

– Я тот самый филолог Гирия, что звонил вам по телефону. Мы договаривались о встрече. Вы еще обещали прихватить с собой сборник стихов зимнегорских поэтов.

– Сейчас не место и не время обсуждать стихи. Сейчас народ встречается с директором этого института – самим доцентом Крыло, ученым, перевернувшим в нашем сознании представления о мире и месте человека в нем. Это он сказал: «Мы не знаем, что больше – мир вокруг нас или мир внутри нас» и «Мы не знаем, что труднее разгадать – загадку мироздания или загадку нашего представления о нем». Он также отметил, что в любой умной речи таится глупость, а в глупых словах спрятаны перлы мудрости.

– Такие вещи, как правило, говорят с большого бодуна. Один мой знакомый математик разгадывал квадратуру круга и в конце концов с бодуна все-таки решил задачу, аккуратно записал выкладки с чертежами и понес академику Валунцу. Но по дороге так напился, что потерял решение в кустах, где заблудился, и до сих пор пытается восстановить его по памяти. У него ничего не получается, и от этого он пьет еще сильнее. Я всегда считал, что слишком умным людям тяжело жить на свете, не то что нам с вами, не правда ли? Надо быть попроще и поскромнее. Если не ты сделаешь открытие, его обязательно сделает кто-нибудь другой, так что нечего из-за этого переживать и портить себе здоровье. Пусть его портят другие! В конце концов, человечество рано или поздно разгадает любую научную тайну, а кто именно это делает, не имеет никакого значения.

– Не понимаю, о чем вы говорите, но вы мешаете проведению серьезного мероприятия – открытию филиала НИИ. Прошу вас покинуть сей храм науки.

– Так где же мы с вами сможем встретиться, чтобы поговорить о стихах?

– Даже не знаю. Времени нет. Возможно, завтра-послезавтра я буду у своего друга Нестора Николаевича Мохового. Вот его визитка. Там телефоны и адрес.

Когда Егор Гиря выходил из здания филиала НИИ, вдогонку ему неслись слова доцента, державшего речь перед публикой:

«Мы восстановили этот храм науки из развалин и руин, подобно птице сфинкс, восстающей из пепла после сожжения. Мы возродим былую славу науки и будем двигать ее до тех пор, пока...»

Глава 6

Самобытный историк

Нестор Николаевич Моховой сменил опустевший стержень в шариковой ручке и продолжил писать.

«...Каждый человек имеет биографию, а каждый город – историю. История города – это спрессованные биографии поколений его жителей, это квинтэссенция бытия, в которой растворилось прошлое и настоящее и в которой, как в воде, отражается будущее», – написал он и задумался, покусывая кончик шариковой ручки.

«Неплохо, – умиленно подумал он. – Совсем неплохо. Понятно и талантливо. Себе-то могу признаться, что написано талантливо. И до меня писали, что, мол, каждый человек – творец истории. Но как писали? Писали высокомерно, словно бросая простому человеку объедки с барского стола. Так бросают кости собакам. Так кокетничают продажные шлюхи, а не историки. Я первым волью в реку истории России ручейки жизни зимнегорцев и окрашу эту реку их переживаниями и стремлениями, – Нестор Николаевич смахнул подступившую слезу. – Именно ими, этими звонкими ручейками, а не заплесневелыми рассуждениями профессоров и доцентов, пишущих никому не нужные диссертации, живет река. Река истории Зимнегорска пополнит океан истории человечества».

От избытка чувств Нестору Николаевичу захотелось выпить. Но вот уже три месяца, как он не брал в рот даже пива.

Опустив лоб на ладонь, он задумался.

– Надо найти свой метод познания истории, свой угол зрения на прошлое, настоящее и будущее, под которым видно все, как под микроскопом. Надо уметь просто и достоверно толковать исторические факты, находить их. Но не будешь же следить за действиями каждого человека и записывать в блокнот! На это не хватит ни времени, ни сил. Да и не каждый человек захочет, чтобы за ним следили. Значит, надо предугадать его действия и его жизнь! Но далеко не все люди достойны войти в историю. Например, этот пьяница и бабник Ловцов! Даже упоминание о нем испоганит анналы истории, и их придется проветривать и опрыскивать дезодорантом, как опрыскивают туалет. Забудем о ничтожествах и начнем беспристрастно анализировать подходы к изучению истории как науки, без всякого субъективизма и волюнтаризма. Что является результатом жизни человека? То, что он сделал. Один строит дома, другой лечит людей, третий выращивает хлеб. Дело – это след, который человек оставляет на земле и который является частичкой истории. Надо найти индикатор, лакмусовую бумажку, отпечаток, матрицу, найти то, что отражает вклад каждого человека в историю, и суммировать его. Тут нужен индивидуальный коэффициент вклада человека в историю, чтобы сравнить каждого с каждым. Некий аршин, которым можно было бы измерить всех. А для этого надо глубоко смотреть и ясно видеть не только прошлое с настоящим, но и будущее. Нужен неординарный подход. Это тебе не раскапывать черепки или листать пыльные книги в архивах. Черепки и книги никуда не исчезнут. А вот момент истории исчезает, как эхо, как дым, как запах, все меняется на глазах, и нельзя упускать ничего из происходящего. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – сказал Гете. Это он, конечно, не совсем грамотно выразился, но, надо признать, эффектно. История – это не черепки и истлевшие кости, это живая кровь! Пульсирующая, клокочущая и пенящаяся. Но не все люди двигают историю вперед. Некоторые ее тормозят, а иные и вообще тянут назад! Тот же бабник Ловцов, например. И чем меньше людей города Зимнегорска являются творцами истории, тем меньший коэффициент участия в историческом процессе у среднего жителя. Ясно и понятно! Недаром говорят, что все гениальное – просто. О гениальности говорить рановато, но что скажут некоторые так называемые «историки» после выхода моей книги в свет? А? Как запляшут все эти копатели черепков, искатели берестяных грамот и «окаменев-

шего говна», как писал Маяковский? Что они запоют, прочитав мою монографию по истории Зимнегорска, подкрепленную прогнозами на будущее? Предсказания оставим фокусникам, а вот прогнозы и предвидение – это удел истинных историков. Но где же найти аршин, общий для всех? Что уравнивает всех пред ликом беспристрастной Истории? Что? – Нестор Николаевич встал из-за стола и подошел к окну. Мимо пятиэтажного дома, где жил Нестор Николаевич, проносились машины. Грузовики, «жигули», новые и подержанные иномарки, автобусы. Они ехали как бы ниоткуда в никуда. Но по внешнему виду машин можно было предположить, кто в них едет. Вот, например, этот ухоженный «лексус» с серебристыми дисками в колесах точно принадлежит человеку состоятельному, а за рулем вот этого забрызганного грязью блекло-голубого «жигуленка» наверняка сидит неудачник. В дребезжащем автобусе люди едут в соседний поселок на работу, потому, что у них нет собственных машин. Что-то за всем этим кроется! Но что? И тут Нестора Николаевича осенило. В его голове стал смутно очерчиваться новый метод изучения истории. Метод революционный. Как и все новое, он, конечно же, вызовет неприязнь, неприятие, критику, отторжение и нападки так называемых ученых. Они, как щитом, прикрываясь заплесневевшими, проржавевшими и прогнившими диссертациями, пойдут на него гурьбой, ибо все новое им – как быку красная тряпка. Но он не сдастся, он выстоит, как выстояли Галилей, Бруно и сосед по дому герой социалистического труда Матвей Горобец. Нестор Николаевич подошел к полкам с книгами, любовно провел пальцами по шершавым переплетам. Но переплеты молчали. Листать книги он не стал. Исторические методы, использованные при написании этих книг, ему не подходили. Методы давно и безвозвратно устарели, пережили себя. Он должен изучать и прогнозировать историю собственным методом. И, как все гениальное, этот метод родился из безграмотности, тупости и отсталости. Родился в творческих муках.

Бег революционных мыслей Нестора Николаевича прервал звонок в дверь.

«Нет, сегодня мне не дадут сосредоточиться! Вчера донимал Ловцов, который увел-таки у меня Машеньку. Будет ли она счастлива с этим безграмотным шоферюгой на его изгаженном клопами диванчике с вылезшими пружинами? Вот в чем вопрос. И сегодня опять кто-то приперся. И это в восемь часов утра! Кого принесла нелегкая?» Нестор Николаевич пошел открывать дверь.

На пороге стоял Толик Филь-Баранов, художник и старинный друг Нестора Николаевича. Во всколоченных волосах Толяна застряли сухие травинки, взгляд мутно-красных глаз был неподвижен.

– Мы с тобой договаривались встретиться вечером, а я пришел утром. Хорошо, Нестор, что застал тебя дома. Больше мне не с кем поговорить. Ты же знаешь, что душа художника, как душа младенца, нежная и легкоранимая. И когда в нее лезут грязными лапами, обросшими волосами и с когтями, душа начинает корчиться и стонать от боли!

– Заходи, Толик, – пригласил Нестор Николаевич и глубоко вздохнул.

А вздохнул Нестор Николаевич потому, что приход Толика означал выпивку, переходящую в пьянку. И чем глубже была ранена душа Анатолия, тем больше водки требовалось для рубцевания. Приход Толика означал также, что денег у того нет, потому что накануне он просидел всё до копейки, и душа жаждет опохмела.

Толик снял туфли и бросил на них куртку. Несмотря на сухую погоду, туфли были в грязи, значит, вчера он изрядно выпил и забрел на какую-то помойку.

– Надень тапочки, Толик, – предложил Нестор Николаевич.

– Ничего, невелика я птица, и в носках похожу. Представляешь, Нестор, эта столичная певичка, которая заказала мне свой портрет метр на восемьдесят, не смогла за него заплатить. Мол, все деньги ушли на клип по первому каналу телевидения. Но портрет все-таки забрала, а заплатит якобы после чеса по Дальнему Востоку. Она даже на бензин у меня одолжила пятьсот рублей. А небритый хмырь, что с ней приехал, сожрал все, что было в холодильнике. Тайка

опомниться не успела, как все съестное исчезло в его ненасытной утробе, как в пропасти. И Таисия сказала, чтобы я впредь кормился у собутыльников, так же как они у меня – до сего дня. Талантливейших людей, гордость Зимнегорска, назвала собутыльниками! Ты, например, уже не историк – надежда России, а собутыльник. И эта женщина, которую я подобрал на панели, извлек из, так сказать, грязи, посмела назвать меня мазилой. Она забыла, какие люди заказывали мне портреты! Депутат Быковского сельсовета Михаил Шутик сказал, что мои полотна сравнимы с картинами Босха! Приюти меня у себя, друг, ибо мне некуда больше идти. Я одинок, нищ, брошен и никому не нужен! Даже на бутылку пива денег нет. Не найдется ли у тебя глотка утолить жажду души и забыться? – Филь-Баранов уныло опустил массивный подбородок на узкую грудь.

– Толик, я работаю над монографией, и мне не до выпивок. Кроме того, Машенька опять ушла к Ловцову. Больше я ее к себе не пущу, раз сменила ученого на безграмотного шоферюгу, матерщинника и крамольника. Вечером позвоню Валентине, выпрошу прощение, приползу на коленях и проведу с ней остаток своих дней. Я посвящу себя науке, буду жить простой жизнью. Чай, щи, гречневая каша, и больше ничего. По праздникам – молоко с булочкой, но без изюма.

– А ты не хочешь почитать другу выдержки из монографии? Ведь я не раз давал тебе дельные советы! – Анатолий Ильич дыхнул перегаром. – Кстати, ты не только талантливый историк, но и замечательный винокур. Я угостил твоим самогоном московского хмыря, так он чуть не обалдел! Где, говорит, вы достали такой прекрасный шотландский виски? Налей мне, Нестор, своего напитка, ибо он сделан талантливым человеком. А талантливый человек талантлив во всем, за что бы ни брался. Ты цены себе не знаешь!

Нестор Николаевич вздохнул и пошел на кухню. Там в нише, где проходят водопроводные и фановые трубы, в дубовом бочонке набирал силу самогон. Самогонный аппарат остался у него с конца восьмидесятых годов, когда водку продавали по талонам и ее катастрофически не хватало. Он подставил глиняный кувшин и отвернул кран. В кувшин, журча, полилась жидкость, пахнувшая спиртом и сивухой.

Толик сидел за столом и с притворным интересом читал бумаги, исписанные Нестором Николаевичем.

– Глубоко ты, Нестор, проник в тему, глубоко. Не понимаю только, почему не набираешь текст на компьютере. Так же намного проще. Не надо ни черкать, ни переписывать. Можно просто менять текст.

Слова друга задели Нестора Николаевича за живое.

– Ты не прав, Толик. Все великие историки писали пером или ручкой. И исправлять слова надо, перечеркивая их, а не заменяя. Перечеркнутые слова можно опять прочитать и, если нужно, вернуть в текст.

– Тебе видней. Ты пишешь слова, а я картины. Но мы оба пишем, и оба талантливы.

– Я принес тебе домашней водки, – Нестор поставил перед Толиком кувшин.

– Мне? А почему не нам? Не хочешь выпить со своим другом? Или считаешь, что пить со мной запахло?

– Толик, ты же знаешь, я в глухой завязке. Стоит развязаться, и я опять потеряю месяц-другой впустую, начну выпивать даже с этим ничтожеством – соседом Ловцовым под закуску, которую будет готовить Машенька. Мое сердце больше такого не выдержит!

– Нехорошо получается, Нестор, плохо! Тебе, значит, пить нельзя, а твоему другу можно. Кстати, с похмелья я лучше пишу. Такие образы получаются, что Босх отдыхает! Все подкорка наружу выворачивается.

– Ладно, Толик, выпью одну, но не больше, – Нестор Николаевич достал из старого буфета с выбитым стеклом две рюмки. Буфет купил по случаю у соседки снизу. Он любил покупать старые вещи как символы времени, а следовательно – истории.

– А закусить не найдется? Раз Тайка посоветовала, чтобы меня кормили собутыльники, так покорми! Ге-ге-ге!

Нестор Николаевич понял, что сегодня вряд ли напишет хоть строчку, и покорно отправился на кухню. Там он нашел в холодильнике кусок отварного мяса, оставшегося от супа, и немного квашеной капусты в литровой банке.

Нестор выпил с Анатолием рюмку и был искренне уверен, что сегодня больше пить не будет. Но вторая рюмка пошла так легко, что казалось, будто ее вовсе и не было. Между прочим. Без всяких последствий. Релаксация. – Третья рюмка прошла незаметно, как тучка на небе.

– Ты, Толик, пойми. Мне пить нельзя. Я создал новое направление в истории.

– Какое? – трезвым голосом спросил Филь-Баранов. Его самогон пока не брал.

Выпивка после длительного воздержания вызвала в Несторе Николаевиче приступ красноречия.

– Автомобильное.

– Не понял.

– Автомобиль отражает жизнь человека, как зеркало – лицо. Посмотри на автомобиль, и ты поймешь, что такое его хозяин. Эти, с позволения сказать, историки судят об эпохе по найденным черепкам, берестяным грамотам и прочей ерунде. Хотя, быть может, они в чем-то правы. Ведь в те времена не было автомобилей. А сейчас-то они есть! Понимаешь?

– Не понимаю, к чему это ты.

Нестор молча разлил самогон и одним махом выпил свою рюмку.

– У тебя есть фотоаппарат?

– Есть. У настоящего художника всегда несколько фотоаппаратов. Но при чем здесь фотоаппарат?

– Что ты делаешь со своим фотоаппаратом?

– Фотографирую. Но зачем тебе...

– Стоп! Отвечать на вопросы! Самому вопросов не задавать! Что ты фотографируешь?

– Природу. Таисию. Детей. Животных. Да мало ли что!

– Ты фотографируешь всякую ерунду, а я буду писать фотоаппаратом новейшую историю.

– Историю пишут ручкой.

– Ма-а-алчать! Я буду писать фотоаппаратом. Там, где въезд и выезд из города, мы устроим фотозасаду, нет, две фотозасады, чтобы ничего не упустить, Мы с тобой по очереди будем дежурить и фотографировать все въезжающие и выезжающие машины.

– Зачем?!

– Для определения количества въезжающих и выезжающих машин в зависимости от времени суток, месяца, дня недели и времени года. Потом высчитаем достоверные коэффициенты прибытия и отбытия, коэффициенты местных машин и машин из других регионов. Составим график посещаемости Зимнегорского района машинами из других регионов и каждого региона в отдельности, потом...

– Но зачем тебе вся эта галиматья?!

– Пойми, Толик, все дело в коэффициентах. Современная наука, статистика, политика и экономика строятся исключительно на коэффициентах. Без коэффициентов ни один уважающий себя ученый с тобой даже разговаривать не будет. Коэффициенты должны быть достоверные, истинные и реальные. Это как отпечатки пальцев, группа крови или тканевая совместимость. Для получения таких коэффициентов нам надо точно знать площадь Зимнегорского района, количество жителей и их распределение по возрастным, половым и профессиональным группам. Умножаем, например, количество жителей улицы на нужный коэффициент и получаем нужные сведения. Возможно, мы будем работать на грани государственной тайны и нас

заставят пройти обследование на детекторе лжи. Возможны допросы с применением дополнительных средств, – Нестор снизил голос до шепота. – Но ради науки я готов на всё. А ты?

– Я тоже. Нестор, налей-ка нам еще по рюмке твоего прекрасного самогона. Что-то сегодня до меня плохо доходят твои аргументы.

Нестор Николаевич вновь наполнил рюмки и чокнулся с Филь-Барановым.

– Ты, Толик, слушай внимательно и попытайся понять открытое мною направление в исторической науке. В истории важно не только знать прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее. Возьми хотя бы тех же Нострадамуса и Вангу. Они предсказывали будущее. Как они его предсказывали, промолчим. Но даже их слабые дилетантские попытки принесли славу. Работали они бессистемно, мало что понимая, но зная слабое место истории. А слабое место – это отсутствие достоверного предвидения, предсказаний и прогнозов. Почему? Из-за отсутствия надежных коэффициентов, являющихся ключами к воротам в будущее. Понимаешь? Но это пустующее место мы заполним строго научными вычислениями. Мы гармонию проверим алгеброй, как сказал...

– Нестор, плесни-ка мне еще немного твоего напитка.

Они выпили еще по рюмке.

– Толик, сможешь воплотить мой метод в жизнь?

– Да, Нестор, да. Всегда готовь помочь другу. Что я должен делать?

– Как что?! Фотографировать. Ты что, не понял? Мы подвергнем полученные фотографии статистическому анализу и определим коэффициенты истины для всех проезжающих машин. Эти коэффициенты – ключи к будущему, к победе исторической науки над темной, мракобесием и невежеством. Мы подключим к вычислению коэффициентов компьютерного программиста. Он составит программу исследования населения при помощи моих... нет, наших коэффициентов. Вслушайся, как звучит: «Исторические коэффициенты Мохового – Филь-Баранова».

– А почему свою фамилию ты поставил первой?

– Я поставил ее в алфавитном порядке.

– Но у многих нет автомобилей.

– В том-то и дело! У них будет особый коэффициент. Безавтомобильный. Но тебе этого не понять. Ты художник, а не ученый.

– Ты хочешь сказать, что художник глупее ученого?

– Неправда. Просто художники и ученые думают разными полушариями мозга: те – левым полушарием, а эти – правым. Понимаешь? Я сказал то, что сказал. Каждый должен заниматься своим делом. Ты делаешь художественные фотографии, а я их научно обрабатываю.

– А какое полушарие умнее?

– Оба полушария умны, но каждое по-своему.

– Нестор, ты знаешь, что твои статьи на исторические темы всегда вызывали мое уважение. Даже Тайка их с интересом читала. Но сейчас ты, по-моему, перегнул палку. Как бы это сказать... может, ты поторопился с автомобилями? Может, стоит фотографировать не их, а, скажем, дома? Чем домовые коэффициенты хуже машинных?

– Толик, ты мне в душу не плюй! Машины – дело динамичное и отражающее меняющуюся действительность, дома меняются медленней, чем автомобили. Понимаешь?

– Кажется, начинаю понимать.

Они допили кувшин, и Толик остался ночевать у своего закадычного друга.

На следующий день Нестор Николаевич и Анатолий Ильич опохмелялись пивком и отъедались кислыми щами, которые им принесла Машенька. Друзья готовились к первому исследованию новейшей истории Зимнегорска.

Отхлебнув из бутылки пива, Анатолий посмотрел на книжную полку своего друга.

– Смотрю, у тебя тоже есть сборник «С высот былинных Зимнегорска». Я такой же с собой захватил, даже не помню зачем. Кажется, кто-то меня об этом просил.

– Я был на презентации и с тобой поздоровался, но ты не ответил, потому что любезничал с этой дважды разведенной библиотечкашей.

– Тебе нравятся стихи в сборнике?

– Не все. Открою тебе тайну. Под псевдонимом Нестор Летописец я напечатал там отрывок из своей поэмы «Ухабы истории». Всю поэму печатать не стали, мол, она заняла бы половину книги. Ты читал этот отрывок?

– Конечно! – соврал Филь-Баранов.

– Ну и как?

– В своих стихах ты отражаешь, как в зеркале, прошлое, настоящее и будущее человечества. И трудно сказать, кого в тебе больше – поэта или историка. Ты – исторический поэт, ты же – поэтический историк. Ты – поэт истории и историк поэзии. Принеси еще кувшинчик твоего изумительного напитка, производство которого восходит к историческим корням всех напитков мира. Ты разгадал древнейший секрет винокурения, ибо ты – талант.

– Нет, нет и еще раз нет! – вдруг заупрямился Нестор. В него внезапно вселился дух трезвости. Этот дух был с похмелья и потому упрям. – Я не позволю, чтобы мой друг – талантливый художник – спивался! Пусть лучше сопьюсь я, пусть я, а не ты, буду валяться под забором! Ты нужен людям, ты и твои талантливые полотна. Я не налью тебе больше ни капли! С этого момента ты станешь абсолютным трезвенником, – Нестор хотел добавить еще несколько убедительных фраз, но, положив лоб на локоть, уснул прямо за столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.